

РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЮГЕ РОССИИ (XVIII – НАЧАЛО XIX вв.)

© 2009 г. С. Р. Чеджемов¹

Инициативы по укреплению государства и единства системы исполнительной власти в стране, важнейшие социальные процессы реформирования различных сфер жизни, в том числе и обоснование идей суверенной демократии, по-новому ставят вопрос о способах формирования правового государства и гражданского общества. Эта работа должна быть неразрывно связана с использованием правовой традиции и культуры народов страны. Однако в этом деле в наши дни существуют два противоречия. Первое – между необходимостью укрепления законности и правопорядка и учетом позитивного опыта, накопленного в прошлом. Второе обусловлено стремлением к преодолению отрицательного стереотипа в определении народов юга России как “лиц кавказской национальности”, склонных к совершению корыстно-насильственных преступлений.

Воссоздание истории правовой культуры народов нашей страны в условиях отсутствия идеологического диктата является обязательным элементом в деле борьбы с правовым нигилизмом. По своему национальному устройству Российская Федерация не имеет аналогов в мире. Ее субъектами являются 21 республика, 1 автономная область, 10 национальных округов. Нерусское население составляет (по оценкам статистических органов России) 18% и насчитывает представителей 170 этносов², каждый из которых имеет свое самобытное прошлое. В XVIII–XIX вв. народы Северного Кавказа, балкарцы, ингуши, кабардинцы, осетины, чеченцы, народы Дагестана и др., благодаря вхождению в состав Российского государства поднялись на более высокий уровень государственно-правового развития. На смену во многом патриархальным общественным отношениям стали приходить ценности гражданского общества и правового государства. Ведущим средством их приобщения к ценностям цивилизации, в том числе в сфере законности и порядка, стала система образования, включающая в себя государственное обучение и воспитание. Особая роль в этой работе принадлежала видным представите-

лям национальной интеллигенции разрабатывающей вопросы правовой идеологии.

Присоединение народов Северного Кавказа к России хронологически относится к периоду конца XVIII – начала XIX вв. Этот процесс подразделяется на две составляющие: де-факто и де-юре. Определенная политико-правовая особенность этого явления заключается в том, что у одних народов оно характеризуется сначала фактическим, а затем юридическим присоединением, а у других – наоборот. Так, например, осетины еще в середине XVIII в. заявили о своем добровольном вхождении в состав России, однако юридически это стало возможным только после заключения мирного договора России и Турции в 1774 г. Данный договор, часто именуемый по названию географической местности, где он был заключен – Кючук-Кайнарджийским, закрепил отказ Турции от гегемонии на Северном и Центральном Кавказе в пользу России. Однако к моменту заключения договора с Россией не все народы, проживающие на выше-названной территории, были единогласны в вопросе о присоединении к России. Данное вовсе не означает наличия у них антироссийских настроений в пользу третьих стран или народов. В силу их общественного развития вопрос этот, что называется, не стоял на повестке дня, так как социально-экономические условия жизни обуславливали замкнутый образ жизни. Они слабо ориентировались в происходящих событиях и не осознавали свое место в мире.

Процесс присоединения народов Северного и Центрального Кавказа к России в указанное время оказался на острие политической и идеологической борьбы между Россией, с одной стороны, и Турцией и Ираном – с другой. За проводимой этими странами политикой все отчетливее просматривались устремления западноевропейских держав, не желавших усиления Российской империи и остерегавшихся ее проникновения и влияния на Балканы, Ближний Восток и Индию. Идеи панславянского братства как части государственной политики России нашли свое выражение еще в 1713 г. при Петре I.

В XVIII в. усилиями западноевропейских стран (а также Турции и Ирана) начинается планомерная идеологическая борьба против России и ее сторонников, живущих на Кавказе. В этой борьбе

¹ Профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, доктор педагогических наук.

² Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М., Сусуколов А. А. Этносоциология. М., 1998. С. 65.

большое значение отводится религиозному фактору и, в частности, противоборству между Исламом и Христианством. Однако кабинетные стратегии этого религиозного противодействия увлеклись абстрактно-теоретическими схемами развития религиозной войны на Кавказе и не учли реальное положение дел, а именно накал религиозного противостояния, которое в те годы было весьма незначительным. Более того, и Христианство, и Ислам имели здесь довольно длительную историю мирного сосуществования. Практически одни и те же народы имели среди своих соплеменников приверженцев, как той, так и другой мировой религии. Религиозный экстремизм в этот период находится, что называется, в зачаточном состоянии. Отчасти этому способствовали сильные пережитки языческих верований.

Доиндустриальные общественные отношения предопределяют тягу народов к той государственно-правовой системе, которая обеспечивает им более комфортные условия проживания. Этим и объясняется тяга народов всего Кавказа, а не только Северного и Центрального, к России. Историческая память кавказских народов изобиловала картинами завоевательных войн Турции и Ирана, в то время как проникновение с Севера, со стороны России, всегда носило мирный торгово-просветительский характер, обусловленный стратегической политикой Российского государства.

Российское государство осуществляло свою внутреннюю и внешнюю политику, исходя из общего принципа, который очень верно подметил Н.А. Бердяев. Это принцип соборности, выражающийся в собирательстве народов и земель, что называется, на равных условиях, с основным государствообразующим русским народом, при соучастии и заинтересованности в судьбах других народов³. Эта политика осуществлялась на протяжении всей истории России повсеместно, в том числе и на Северном Кавказе. Она являлась притягательным для сопредельных народов задолго до их официального присоединения к России.

Что касается оценок социально-экономического прошлого народов Северного Кавказа, то по многим аспектам не было и нет единства научных мнений. В некоторых случаях даже у одного того же автора, причем в одном и том же научном издании, наблюдается двоякость. Так, известный ученый В. Шнирельман в работе "Быть аланами", с одной стороны, отмечает сложный, этнолингвистический и религиозный характер народов Северного Кавказа, а с другой – их близость по языку и традиционной культуре⁴.

³ См.: Бердяев Н.А. О назначении человека // Мир философии. Ч. 2. М., 1991. С. 12.

⁴ См.: Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе. М., 2006.

Вопросы государства и права у народов Северного Кавказа в новых, свободных от идеологического диктата условиях, получили освещение лишь в историко-этнологическом аспекте. Ряд авторов: Н.С. Киняпина, М.М. Блиев, В.В. Дегоев, З.М. Блиева, С.Г. Агаджанов, В.В. Трепалов, В.В. Матвеев, Ж.А. Калмыков, В.Х. Кажаров, Е.Г. Битова, Е.И. Кобахидзе, А.А. Цуциев и некоторые другие, серьезному научному исследованию подвергают вопросы административной политики России, общественного устройства, обычного права в русле сугубо исторического, либо этнографического (этнологического) анализа. За пределами их работ, как это и предполагается целями их исследований, остаются концептуальные вопросы соотношения государства и государственной власти, проблемы и взаимообусловленности права и иных социальных норм, равно как и системный анализ источников и норм права. Практически (за редким исключением) не исследуются вопросы, относящиеся к правовой культуре, юридической процедуре, юридической ответственности, общественному и индивидуальному правосознанию.

Таким образом, в имеющихся исследованиях до сих пор отсутствует комплексный анализ многих моментов истории правовых и государственных явлений, не выявлены закономерности их возникновения и развития, определяющие особенности государственно-правовых отношений, в том числе правовой культуры на Северном Кавказе в указанный выше промежуток времени.

Мы выделяем следующие этапы формирования правовой культуры у народов Северного Кавказа в указанный период.

1. Мифологический. Он характеризуется мифологическим (традиционным) осознанием действия правовых норм, представлением себя (своего народа, семьи) в системе правовых отношений и за их пределами. Данное правосознание можно с полным основанием считать архаичным, присущим доиндустриальному, первобытно-общинному обществу. Оно характеризуется представлением народа о действии правовых норм, табуированных Богом и предками. За этими пределами находится внеправовая сфера. На данном этапе исторического развития человечества архаичное общество, слабо связанное правовыми началами с внешним миром, не только не имеет представления о внешних правовых сферах, в том числе о необходимости считаться с правовыми традициями других народов, но и отрицает их, подчас в агрессивной форме.

Данный правовой эгоцентризм поглощает ростки гуманизма и толерантности, обуславливает агрессивную, захватническую внешнюю и внутреннюю политику, хотя и осуществляемую весьма примитивными способами.

2. **Философско-правовой.** Для него характерно осознание правовых начал и их роли внутри и вне общества (государства). Наличие государственно-правовых отношений, даже на раннем этапе их развития, применительно к народам Северного Кавказа, отмечается нами еще до их официального присоединения к России. Вхождение же в состав Российской империи позволило этим народам структурировать имеющуюся у них систему правовых отношений в соответствии с общероссийской. Естественно, что этот процесс не был сиюминутным и растянулся по времени до начала XX в. В этот период продолжают действовать институты обычного права – аталычества, аманатства, табу и т.д.

Среди горцев Кавказа, как и у некоторых других народов, довольно распространенным был обычай аталычества. В советском энциклопедическом словаре не совсем верно давалось определение этому термину, как обычаю отдавать детей знатных родителей на воспитание вассалам или слугам⁵. В условиях Кавказа это был в основном равноправный и зачастую обоюдный процесс между местными народами. Что же касается их взаимоотношений с русским народом, и в частности с казачеством, то мы видим большую заинтересованность народов Кавказа к использованию этого института для приобщения к русской культуре.

В условиях присоединения Северного Кавказа к России институт аталычества фактически вообрал в себя институт аманатства. Так, например, во Владикавказе (с 1784 по 1860 гг.), действовало важнейшее просветительское учреждение. Оно не носило название школы или иного образовательного учреждения, а именовалось “*домом для аманатов*”. Аманаты в переводе с арабского означают заложники. Действительно, в городке крепости содержались заложники – представители народов Кавказа, но появление “*маленьких аманатов*” во Владикавказе явление гораздо в большей степени политико-педагогическое (правовоспитательное), нежели военно-устрашающее. По существу это явление носит и политико-правовой, и просветительно-педагогический характер.

Фактически аманаты Владикавказской крепости были в положении аталыков. Их пребывание в крепости помимо всего прочего давало детям горской аристократии возможностью получить российское обучение и воспитание. Никаких репрессивных мер в отношении детей-аманатов за всю историю существования дома для аманатов нами среди архивных источников выявлено не было.

⁵ См.: Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1989. С. 85.

Одно из первых упоминаний об аманатах мы находим в вышедшей в 1827 г. книге Н. Нефедьева “Поездка на Кавказ и в Грузию в 1827 году”. Автор не только отмечает наличие во Владикавказе дома для аманатов (думается, что в данном случае речь идет не о доме как таковом, а о системе зданий. – С.Ч.) но и подчеркивает то обстоятельство, что аманаты гуляют по центральной аллее крепости, заменяющей бульвар⁶.

Есть сообщения об аманатах и в произведении А.С. Пушкина “Путешествие в Арзрум”, впервые опубликованном в 1836 г. Александр Сергеевич пишет о том, что “в крепости видел черкесских аманатов – резвых и красивых мальчиков. Они поминутно проказят и бегают из крепости. Вероятно, что аманаты, выпущенные на волю, не жалуют о своем пребывании во Владикавказе”⁷.

Данное предложение есть оценочное высказывание, отражающее реальное положение дел. В действительности “*школа аманатства*” являлась одним из важнейших средств приобщения народов Кавказа к русской государственности и гражданственности.

Аталык, возвратившийся к своим родителям, сохранял и после того весьма близкие отношения со своим воспитателем, его семьей и всем его родом. Более того, отношения и связь с группой, в которой он воспитывался, считались выше, значительнее, чем отношения родственные⁸. То же самое можно сказать и об аманатах народов Северного Кавказа, но с оговоркой в отношении их связи с русской государственностью. Обычай аталычества существовал у них вплоть до второй половины XIX в., хотя некоторые его проявления встречались и в XX в.

Естественно, что воспитанник не только учился сам, но и по возвращению домой делился со своими близкими теми знаниями, умениями и навыками, которые он приобрел. Он также становился проводником новых обычаев, научных сведений, технологий. К середине XIX в. у горцев Северного Кавказа сформировалось представление о пользе и необходимости распространения передовых знаний, в том числе в области права и законов Российской империи. В то же время российский законодатель тех лет стремился использовать авторитет обычного права кавказских народов как средство правового воспитания. Наметился диалог правовых культур народов России, хотя сам этот термин ни тогда, ни значительно позднее не употреблялся в общественно-политической лексике.

⁶ См.: Нефедьев Н. Поездка на Кавказ и в Грузию в 1827 году. М., 1829. С. 84.

⁷ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 10-ти т. Т. 6. М., 1949. С. 656.

⁸ См.: Магомедов А.Х. Этнография осетин. Орджоникидзе, 1985. С. 40.

Как известно, слово “культура” происходит от латинского слова, обозначающего возделывание, обработку, уход. В литературный оборот оно входит в XVIII в. и служит синонимом таким словам, как образованность, просвещение и т.д. Понятие “правовая культура” сугубо юридическое, в его основе два производных понятия – “право” и “культура”. В советское время применительно к дореволюционному прошлому оно почти не употреблялось. Правовая культура представляет собой комплекс элементов обычного права, которое, по нашему мнению, подразделяется на публичное, вещное право и уголовное право в сочетании с общероссийским правом.

Анализируя обычное право, мы придерживаемся концепции И.А. Исаева, справедливо отмечавшего то обстоятельство, что юридический быт складывался из различного рода обычаев (обрядов, ритуалов), действий, правил и органов, с помощью которых осуществляется правовая деятельность⁹.

К области публичного права относятся общественные институты власти и управления, суда. Организация власти, управления и судопроизводства вышеобозначенного периода у народов Северного Кавказа представляла собой следующую систему. Высшим органом власти считалось всеобщее мужское собрание. Будучи древним традиционным органом управления, оно имело большие полномочия и круг обсуждаемых вопросов был чрезвычайно широк. Особое место занимали вопросы объявления войны, заключения мира и союзнических отношений. Обсуждались все хозяйственные дела, такие, например, как регулирование пользования лесом, охрана нив, пастьба скота, содержание общинного пастуха, сроки пахоты, определение начала сенокосения, установление системы севооборота, строительство мостов и др.

Здесь же разбирались различные конфликты, дела об убийствах, ранениях, оскорблениях, похищениях невест, споры из-за имущества; решались вопросы приема новых поселенцев и т.д. Основной задачей собрания было регулирование общественной жизни села в условиях сочетания норм обычного права и российского законодательства, а в мусульманских селениях и шариата. Примечательно, что в условиях Кавказской войны со стороны мусульманского духовенства, выступавшего против России, предпринимались меры к запрету адатов в пользу шариата. Так, например, Гази Магомед в 1829 г. призвал отказываться от адатов и утверждать нормы шариата¹⁰. В условиях мирной жизни российская администрация

культивировала их мирное сосуществование с общероссийскими нормами права.

Так же как и в новгородском вече, в работе мужского собрания принимали участие все взрослые мужчины, но решение любых вопросов общественной и частной жизни целиком зависело от мнения старших по возрасту членов рода, пользовавшихся, в отличие от “старцев градских”, большими полномочиями внутри своей фамилии. В необходимых случаях общинные сходы собирались через глашатаев по мере необходимости, так как особых сроков их проведения не существовало. В местах, где проводились советы, ежедневно собирались в свободное от сельскохозяйственных работ время мужчины села, обсуждали различные вопросы сельской жизни, делились новостями. Это была своеобразная школа для молодежи, которая не только училась у стариков жизненному опыту, но и получала знания об истории и культуре своего народа. Здесь выступали народные певцы, сказители, проводились спортивные игры, состязания, различные общественные пиршества.

В целом следует признать, что правовая культура северо-кавказских обществ справедливо может характеризоваться как система отношений, свойственных гражданским обществам, и в основном сопоставима и схожа с общественно-правовым устройством городов-полисов Древней Греции, а также Новгорода и Пскова.

В рассматриваемое нами время на юге России налаживается централизованное управление, но все еще велика роль элементов военной демократии и народного права. В целом вертикаль общественной власти представляла собой следующую систему: семья–фамилия–село–общество, как правило, занимавшие одно ущелье.

Согласно кавказской правовой традиции каждое общество имело свой собственный орган управления – мужское собрание. Как справедливо отмечал крупный дореволюционный юрист Е.Л. Марков, оно “заменило собою все государственное устройство, суды и законы”¹¹. Это был своеобразный аналог древнегреческого ареопага или новгородского вече. Решения собрания и суда обеспечивались силой авторитета, в основном ненасильственного. Но в определенных случаях могли применяться и санкции от лица общества, например можно было изгнать провинившегося за пределы общины, ущемить его в правах и т.д.

Представляется, что выражением высшей меры наказания было изгнание индивида. Применения смертной казни, как и самого вынесения смертного приговора, система обычного права в основном не знала. Образ “собачьей скалы”, с которой сбрасывали преступников, запечатленный

⁹ См.: Исаев И.А. История государства и права России. М., 2002. С. 9.

¹⁰ См.: История Северного Кавказа. М., 1987. С. 143.

¹¹ Марков Е.Л. Очерки истории Кавказа. СПб., 1904. С. 200.

осетинским художником М. Тугановым, является данью политической конъюнктуре периода культа личности и господства догмата об уничтожении “всякого, кто не с нами”. Он был, скорее, продиктован поэтическим вымыслом художника и не характеризует судебную практику дореволюционного Северного Кавказа.

Решения, принимаемые на собрании, как правило, были заранее обсуждены старейшинами фамилий. Фактически на нем лишь оглашали заранее принятое решение. Этот сущностный момент в работе советов у осетин, называемых “ныхас”, у адыгеев – “хаса”, подметил еще в конце XIX в. известный правовед М.М. Ковалевский, писавший о том, что “эти собрания ничего не решают, не отобрав предварительно мнения стариков”¹².

Что касается формы голосования, то, в отличие от глиняных черепков (Древняя Греция) или силы крика (Новгород), некоторые горцы, напри-

мер осетины, в знак согласия поднимали вверх очищенную от коры палку-посох, по-осетински “*лагуын ладзаг*”, другие выражали свое одобрение криком или вставанием со своих мест. Должность председательствующего на собрании была выборной и фактически пожизненной. На нее избирался состоятельный и уважаемый отец семейства.

Деятельность горских собраний была узаконена и регламентирована изданным в 1870 г. “Положением о сельских (аульных) обществах”. Данное Положение, по сути, отразило в письменном виде основные представления о народных (мужских) собраниях и узаконила их. Таким образом наметился синтез сословно-представительных органов власти северо-кавказских народов и низовых звеньев российской администрации. Общегосударственное и обычное право с этого времени стали также взаимодополнять друг друга, однако наметилась тенденция к постепенной замене второго первым. Процесс этот в основном завершился уже после формирования социалистической системы права.

¹² Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. М., 1886. С. 210.